

Л.А. Кутилова, В.Г. Дацышен

УКРАИНИЗАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1931 г.: СУЩНОСТЬ И ТРУДНОСТИ ПРОЦЕССА

Анализируются региональные аспекты политики украинизации на Дальнем Востоке в 1931 г. на примере двух районов – Шмаковского и Калининского, где проживало значительное число украинцев. Тема актуализировалась в связи с последними событиями на Украине. Главное внимание авторами обращено на изучение конкретных обстоятельств кампании и анализ причин негативного отношения к ней как представителей власти, так и населения. Исследование основано на материалах дальневосточных архивов и документов советской и партийной власти.

Ключевые слова: Дальний Восток; украинцы; украинизация; советская власть; национальная политика.

Тема украинизации в современной историографии представлена довольно противоречивыми публикациями и иногда приобретает политический характер, став предметом споров национальных историографий. О ее «болезненном» восприятии справедливо пишут Т.П. Хлынина и И.Ю. Васильев [1. С. 202]. Для нас важно вернуть тему в историческое русло, а не подчеркивать ее взаимосвязь с нынешними государственными противоречиями или спорами в рамках историографических традиций. Отмечая ее актуальность и необходимость теоретического исследования, например, в рамках этнической или национально-государственной проблематики, подчеркнем, в то же время, важность конкретно-исторических исследований, изучения специфических, в том числе региональных, обстоятельств протекания процессов украинизации и функционирования этнических сообществ в целом.

О причинах, подготовке, сущности, основных направлениях украинизации есть несколько серьезных исследований как российских, так и украинских историков [2–4]. Историографические аспекты темы нашли свое отражение в указанных комплексных работах, а также в некоторых специальных публикациях [1]. В то же время Е.Ю. Борисенко верно указывает на «дефицит» российских работ, отмечая, что тема не пользуется исследовательской популярностью. Выделить можно лишь работы той же Е.Ю. Борисенко, К. Дроздова, И. Васильева [2, 3, 5, 6]. Территориальные рамки указанных публикаций охватывают главным образом Украинскую ССР, частично украинорусское пограничье (Кубань, Ростов-на-Дону, Воронеж, Курск). Региональные особенности процесса в опубликованных исторических исследованиях рассматриваются в рамках этого макрорегиона со значительным количеством украинского населения. Однако в пределах России было еще одно пространство украинской колонизации, территория, где украинцы составляли достаточно большое число жителей. Речь идет о Дальнем Востоке, который иногда называли Зеленый клин. Исследований по материалам этого региона крайне мало [7, 8], однако опыт украинизации здесь также представляет интерес для историков. Мы обратились к опыту дальневосточного варианта украинизации, стремясь определить ключевые понятия процесса, исходя из анализа конкретных случаев и ситуаций.

Основными источниками стали документы Государственного архива Приморского края (ГАПК) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) по двум районам Дальнего Востока – Шмаковскому и Калининскому. Среди них переписка по вопросам украинизации, статистические материалы, отчеты, справки и т.п., которые позволяют на конкретно-историческом материале проследить процесс украинизации вне пределов УССР. Использовались также опубликованные документы органов партийной и советской власти.

Первые попытки украинизации образовательной сферы на Дальнем Востоке советской властью были предприняты еще в первой половине 1920-х гг. Однако уже тогда работа продвигалась крайне медленно и натолкнулась на объективные трудности. Наркомпрос в ходе обследования региона сделал вывод о том, что украинское население «в значительной мере обрусело и... не только нет необходимости в украинизации, но это практически нецелесообразно» [7. С. 102]. Украинизация была признана искусственной и не отвечающей потребностям населения. Однако целью коренизации (и ее варианта украинизации) как раз и было стремление советской власти «исправить» последствия «русификаторской» политики имперского правительства, чтобы помочь нерусским народам в деле строительства социализма. Поэтому трудности процесса в первой половине 1920-х гг. власть связала с недостаточностью подготовительной работы по пропаганде украинизации, с недостатком сотрудников, умеющих разъяснить необходимость украинизации на доступном народной массе языке и поставила задачи еще более масштабные: не только перевести на украинский язык образование, но весь «низовой советский аппарат, все общественные учреждения» [7. С. 102].

На основе статистических данных Шмаковский и Калининский районы Дальневосточного края (ДВК) были отнесены региональной властью к районам с преобладающим украинским населением [9. С. 63, 78]. Этот факт стал определяющим для проведения здесь новой кампании по украинизации. Задача была поставлена в марте 1931 г. Документы показывают, что важнейшей составной частью процесса должно было стать изучение украинского языка с целью перевода всей деятельности, в том числе по документационно-му обеспечению, на украинский язык.

Рассмотрим, почему и насколько оправданно районы Дальнего Востока были отнесены к районам украинизации. В ходе переселений XIX – начала XX в. на окраинах Российского государства сформировался большой украинский этнический массив. Для российской власти эта потребность переселений на Дальний Восток диктовалась не только стремлением колонизации огромного необжитого края, но также необходимостью изменить этнический баланс населения там, где значительное число составляли иностранцы – корейцы и китайцы. Благодаря морским перевозкам начиная с 1883 и до 1917 г. украинцы составили от 69 до 77% от общего числа переселенцев, прибывших в край [10]. Всесоюзная сельскохозяйственная перепись 1917 г. зафиксировала здесь 421 тыс. украинцев, что составляло почти 40% населения региона [11. С. 44]. По социальному составу – это малограмотные украинские крестьяне, национальной интеллигенции среди них практически не было.

Активные переселения на Дальний Восток в первые годы советской власти позволили сохранить достаточно большую украинскую общину в регионе несмотря на процессы ассимиляции. Переселение на дальневосточные окраины России диктовалось стремлением изменить демографические пропорции в пользу славянского населения перед лицом миграций китайцев и корейцев, а также обеспечить регион трудовыми ресурсами. В феврале 1923 г. СНК УССР принял Постановление «О мерах обеспечения планового переселения по Украине и за ее пределами», в 1924 г. началась интенсивная переселенческая кампания, дополненная льготами для переселенцев. Плановое переселение на Дальний Восток из Украины сопровождалось также самовольным переселением, оба процесса стали продолжением аграрной колонизации региона. По материалам архивов Украины, в 1923–1925 гг. число переселенцев составило 11,7 тыс. человек, самовольческий поток оказался еще больше – 23,4 тыс. человек. К этому числу необходимо прибавить демобилизованных красноармейцев [12. С. 185, 187; 13. С. 103]. В последующие годы число переселенцев из Украины только возрастало. В целом за 1921–1932 гг. из УССР на Дальний Восток переселилось 422 тыс. чел. (84,1 тыс. семей) [12. С. 189]. Некоторые из мигрантов вернулись обратно из-за неблагоприятных климатических условий [8. С. 67]. Безусловно, не все переселенцы были украинцами по национальности, но именно этот приток мигрантов в ДВК объясняет тот факт, что перепись населения 1937 г., зафиксировавшая в целом по России значительное уменьшение числа и удельного веса украинцев, на Дальнем Востоке показала их прирост. Таким образом, очевидно, что территория ДВК являлась местом компактного проживания значительной части украинцев.

30 августа 1929 г. наркомат просвещения РСФСР принял решение о том, что языком компактно живущих масс украинского населения РСФСР должен быть язык украинской республики. В 1931 г. задача украинизации была поставлена и на Дальнем Востоке. Шмаковский и Калининский районы – это отдаленные и труднодоступные районы даже по меркам

Дальнего Востока. По материалам «Энциклопедии Дальневосточного края», 57% населения здесь составляли украинцы [9. С. 63]. Архивная записка по поводу украинизации в Шмаковском районе опирается на другие данные – 74,6% [14. Л. 49]. Разница в цифрах довольно велика, но для нас важно, что в обоих случаях речь идет о значительной доле украинцев в составе населения района. Некоторые села здесь почти полностью украинские. Так, в с. Успенка их 84,5% [14. Л. 85]. В Калининском районе проживало 32 тыс. украинцев из общего числа 57,6 тыс. жителей. Таким образом, украинцы в обоих районах, по данным статистики тех лет, действительно, составляют значительную группу населения. В то же время отметим, что в составе населения Дальневосточного края были районы, где число украинцев еще более велико, например, Спасский или Черниговский, где проживало 71 и 66% украинцев соответственно [9. С. 54, 58]. По архивным справкам их число еще больше – 86,3 и 73,4% [14. Л. 53].

План украинизации был составлен на основании постановления Президиума Далькрайисполкома от 20 марта 1931 г. В первую группу районов, подлежащих украинизации, Спасский и Черниговский не попали, выбор был сделан в пользу Шмаковского, Ивановского (67,5% украинцев в составе населения) и Яковлевского (64,6%) [14. Л. 49]. Следовательно, основным критерием отнесения района к украинизируемому стал не только национальный состав, сыграли свою роль, видимо, и другие факторы.

Документы рисуют картину довольно трудного процесса, который каждый раз наталкивается на новые препятствия. Так, важной составной частью украинизации должно было стать изучение украинского языка. Потребность была насущной, поскольку украинское население Дальнего Востока к 1931 г. уже в значительной степени не владело родным языком, утратив его в качестве средства общения в ходе ассимиляции на новых местах проживания в окружении русского большинства.

В целом план украинизации по Шмаковскому и Калининскому районам выглядел следующим образом. Начать необходимо было с изменения языковой политики, а затем все официальное делопроизводство и систему образования перевести на родной язык населения. К украинизации необходимо было привлечь сотрудников не только местной власти и партийных органов, но также отделения госбанка, сельпо, нарсуда, связи, райпотребсоюза и других с тем, чтобы полностью перевести делопроизводство на украинский язык, сделать украинской всю систему органов власти и разного рода учреждений. Также необходимо было перевести на украинский язык систему образования: школы, педтехникум и уссурийский сельхозтехникум, который готовил кадры агрономов [14. С. 5]. По Шмаковскому району украинизации подлежали 47 школ, школы ФЗО [14. С. С.49]. Вначале решено было организовать двухмесячные дневные курсы по изучению украинского языка для сотрудников разных учреждений. Из-за серьезных проблем в деле организации впоследствии срок работы курсов был сокращен до одного месяца.

Предполагалось использовать метод ударничества в преподавании и изучении языка [15. С. 66], постоянно расширять сеть охвата курсов, в первую очередь привлекая работников советских и партийных учреждений, а затем сотрудников все новых организаций (кооперации, типографии и др.) [14. С. 34]. От имени Шмаковского исполкома советов ДВК были разосланы письма о необходимости выделения курсантов для посещения курсов подготовки украинских работников в с. Успенка с 5 августа по 5 сентября [14. С. 27, 38]. Всем учреждениям предписано было выделить ответственных за проведение украинизации. Но в ответ на эту задачу были получены письма практически одинакового содержания, что ответственный-то назначен, но ни он, ни кто другой не владеют украинским языком. Так, от уголовного розыска Шмаковского района ДВК выделен человек, отвечающий за украинизацию, но приписка к информационному письму гласит, что «лиц, владеющих украинским языком, нет» [14. С. 34]. Из Принудитработ сообщают: «Из всего состава работников отделения ни один не владеет чисто украинским языком» [14. С. 33]. Та же информация пришла от отделения Госбанка [14. С. 67]. Из документов с мест узнаем, что в районе имеется лишь один инструктор, владеющий украинским языком, но «в силу его постоянного разъезда и малограмотности ведение делопроизводства на украинском языке невозможно» [14. С. 23]. Из суда пришло извещение, что послать сотрудников на курсы не смогут, потому что нет директив от крайсуда на этот счет. В письме вообще выражается сомнение в том, что суд будет переходить на украинский язык [14. С. 40].

Для обеспечения работы всех курсов районным отделам образования необходимо было приобрести учебную, методическую и художественную литературу и организовать учет и сбор имеющейся. Речь шла о тех учебных и методических пособиях, что уже хранились в библиотеках, школах, клубах. Художественной же литературы не было вообще, в документах часто содержится просьба прислать книги Тараса Шевченко [14. С. 42]. Для приобретения новой литературы нужны были средства, поэтому руководство курсов в Шмаковском районе неоднократно обращается к органам власти с просьбой предоставить аванс в 500 рублей. Всем привлекаемым к украинизации организациям также предлагалось изыскать и перевести собственные средства для обеспечения работы курсов [14. С. 38].

Была составлена смета на проведение курсов. Она предусматривала зарплату преподавателям, учебные расходы, административно-хозяйственные расходы, питание, всего 5 536 рублей [14. С. 32]. Из объяснительной записки к смете узнаем, что учитель будет получать 2 рубля за час работы; учебные расходы (на тетради, ручки, учебники) – из расчета 3 рубля на человека; предусматривались средства на питание курсантов, освещение и уборку помещения курсов, наем квартиры для педагогов. Больше всего планировалось выделить на питание 105 курсантов – 3 150 руб. Предполагалось, что занятия дневных курсов будут проходить по 6 часов в день. Однако из-за отсутствия финансирования курсы оказались на грани срыва. В од-

ном из документов Исполком советов ДВК напоминает, что просил перевести в Госбанк деньги для проведения курсов украинизации, однако деньги не были переведены [14. С. 43]. 5 августа курсы должны были начаться, но 3 августа деньги для их проведения еще не поступили [14. С. 43]. Начало работы курсов пришлось перенести на более поздний срок. Такая же ситуация с курсами складывалась и в Калининском районе [15. С. 6а, 6б]. Таким образом, отсутствие финансовых средств стало серьезной проблемой в ходе реализации плана по украинизации.

При проведении курсов предполагалось освободить их слушателей от работы [14. С. 36, 40], чтобы добиться стопроцентной посещаемости и подчеркнуть тем самым, что украинизация – это важнейшее дело советской власти. Такое решение было принято специально, чтобы обеспечить посещаемость, однако именно поэтому многие организации отказались посылать своих сотрудников на курсы: заменить их было некем. Понимая, насколько сложна эта проблема, решено было проводить занятия также в неслужебное время: после работы или в выходные. С одной стороны, это позволяло не отрывать людей от исполнения профессиональных обязанностей, но с другой стороны, лишало возможности заняться собственными делами, планировать домашний труд и отдых. Нужно сказать, что, разрабатывая программу курсов, организаторы максимально старались предложить такой вариант работы, который бы обеспечил курсам посещаемость и был удобен организациям и самим курсантам, например, решили не проводить в дни украинизации совещания [15. С. 1, 6а], пытались составить твердое расписание занятий. Однако даже вечером для сельчан выкроить время на посещение курсов было крайне сложно, учитывая, что они должны были функционировать в самый разгар сельскохозяйственных работ.

Важнейшей задачей стало обеспечение курсов преподавателями. Решено было подобрать собственный персонал из учителей, которых можно использовать для украинизации из расчета два учителя украинского языка на одну группу слушателей курсов. Однако учителей не хватало. В распоряжении местной власти в Шмаковском районе было всего 34 человека, которые владели украинским языком в полной мере, – говорили, читали и писали по-украински. В другом документе отмечается, что учителей из числа украинцев в районе еще меньше – всего 18 человек [14. С. 5]. Отдел по украинизации обращается к РОНО с просьбой «подобрать из учительского персонала людей не менее 5 человек, вполне владеющих украинским языком и умеющих грамматически писать на украинском языке для преподавания на курсах подготовки украинских работников» [14. С. 36].

Для тех педагогов, кто находился в распоряжении отдела по украинизации, необходимо было провести методический семинар, потому что не было уверенности в их квалификации. Семинар должен был дать представление об уровне квалификации учителей, помочь им освоить необходимый методический материал и подготовиться к работе по украинизации. Семинар намечено было провести в течение 5 дней.

Поскольку учителей не хватало, председатель комиссии по украинизации Исполкома советов ДВК Шмаковского райсовета Вольвак принял решение собрать информацию о всех жителях региона, «владеющих украинским языком и умеющих грамматически верно писать для использования в украинизации школы» [14. С. 36]. Среди жителей региона оказалось несколько добровольцев. В документах архива встречаются письма от украинцев, владеющих украинским языком и желающих быть полезными в деле украинизации. Переселенец из Украины Дмитрий Куринный сообщает, что ему нужна работа [14. С. 43]. Из с. Антоновка Л. Шерстюк в заявлении на украинском языке пишет, что знаком с учительским делом и готов работать в любом качестве, например ликвидатором неграмотности [14. С. 30]. Власть старается максимально мобилизовать учительские кадры в рамках политики украинизации, поэтому, например, предлагает «сделать переброску учителей» из других неукраинизируемых районов и из украинских переселенческих, в том числе красноармейских колхозов [14. С. 5].

Таким образом, обеспечить педагогический состав, подобрать педагогов даже просто для курсов украинизации оказалось крайне сложно, кадровая проблема стала еще одной важной и крайне трудно решаемой проблемой в процессе украинизации. Региональная власть констатирует недопустимую – «преступную» – медлительность в деле украинизации [15. С. 1]. Усилия по подготовке курсов оказались напрасными: все курсы были проигнорированы общественностью. Дневные курсы в Шмаковском районе посещали несколько человек, а вечерние не посещал никто [14. С. 37, 38]. Халатное отношение к курсам было отмечено и в Калининском районе [15. С. 6а]. Из-за описанных сложностей в реализации задач по украинизации срок перевода делопроизводства на украинский язык пришлось перенести – сначала на 1 ноября, затем на 1 января следующего года [14. С. 92].

Рассмотрим, почему в районах со значительной долей украинского населения так трудно шли процессы украинизации и стремление советской власти исправить языковую дискриминацию украинцев Дальнего Востока не нашло поддержки у населения. Украинизация обращалась к этническому компоненту в сознании населения региона, недаром исследователь тех лет З. Островский вспоминает о симпатиях украинского крестьянства к Центральной раде, М. Грушевскому, С. Петлюре [16. С. 40–44.]. Украинизация выступала как вариант советизации нерусских народов, в том числе украинцев, для власти это вопрос вовлечения крестьян в социалистическое строительство. Неудивительно, что зачастую власть переводит проблему в социальную плоскость, утверждая, что отношение к украинизации определялось социальным положением: кулаки саботируют мероприятия по украинизации. Но архивные документы тех лет демонстрируют отрицательное отношение к ней и в разных районах, и у разных групп населения [14. С. 19, 24, 37–38, 99].

Представляется, что важнейшим фактором в формировании такого отношения стала непоследователь-

ная политика советской власти в национальном вопросе. Т.П. Хлынина и И.Ю. Васильев справедливо пишут о «малообъяснимых зигзагах, которым была подвержена национальная политика в 1920–1930-е гг.» [1. С. 203]. Специфика процесса украинизации 1931 г. на Дальнем Востоке состояла в том, что его невозможно воспринимать в отрыве от предыдущих волн украинизации. Первая попытка была предпринята здесь еще в начале 1920-х гг. в условиях Дальневосточной республики. Украинский отдел при Министерстве по делам национальностей ДВР свою задачу видел в организации украинских школ и подготовке учителей для них. Однако процесс натолкнулся на противодействие местных органов образования и коммунистов из парторганизаций ДВР, увидевших в работе украинских организаций шовинистическую пропаганду и самостийность [17. С. 400–401, 407]. Работа по украинизации на Дальнем Востоке была свернута. Восстановление советской власти в ноябре 1922 г. и роспуск ДВР сопровождалось чисткой от украинских национальных элементов, которые были обвинены в национализме, белогвардейщине и контрреволюционности [17. С. 410].

Неудивительно, что начатая советской властью в первой половине 1920-х гг. украинизация с целью вовлечения в строительство социализма народных украинских масс встретила у них недоверие. Оно еще больше усилилось после читинского процесса 1924 г. по делу «украинских националистов». Почти 200 человек проходили по этому процессу, их обвиняли в сепаратизме, национализме, «петлюровщине», сотрудничестве с Японией и Китаем с целью оторвать регион от Советской России. Читинский процесс поставил крест на всей украинской национальной деятельности в регионе, тем более политической [18]. Недаром в рамках украинизации 1931 г. раз за разом всплывали вопросы: не станут ли преследовать за участие в украинизации и симпатии к украинскому языку и культуре? Понять «различия между контрреволюционной петлюровщиной и советской украинизацией» было на деле крайне трудно, отсюда абсолютно оправданные опасения за возможные репрессии. Неучастие в мероприятиях по украинизации, их игнорирование в данном случае стало способом выживания для чиновников, партийных функционеров да и простых граждан. Кроме того, собственно на Украине украинизация уже была свернута и объявлена украинским мелкобуржуазным национализмом, угрозой советскому социалистическому строительству. Последствия украинизации в УССР и в русско-украинском пограничье не просто настораживали, они были крайне опасны.

Подчеркнем, что такого рода опасения нашли свое подтверждение в очередном зигзаге национальной политики советской власти. Так, Постановление ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» объявляло этнический фактор фактором неблагонадежности. Это постановление не только разделило украинизацию на правильную – большевистскую, и неправильную – меньшевистскую, «не вытекающую из культурных интересов населения», оно очень четко

определило последствия такой «легкомысленной украинизации». В документе утверждалось, что буржуазно-националистические элементы, петлюровцы смогли воспользоваться украинизацией в качестве легального прикрытия для своей контрреволюционной деятельности. Как следствие такого восприятия украинизации телеграмма ЦК ВКП (б) от 18 декабря 1932 г. прямо потребовала «немедленно приостановить дальнейшую украинизацию» и в трехдневный срок не просто свернуть все мероприятия, но вернуть во все сферы (печать, образование, делопроизводство и др.) русский язык [6. С. 158–161]. В таких условиях русским быть было безопаснее. Таким образом, процесс украинизации на Дальнем Востоке начался в очень непростых условиях, неудивительно, что с самого начала он был встречен населением региона с большой настороженностью.

Отметим еще один момент. Руководство партийных и советских органов власти в подавляющем большинстве само не знало украинский язык и не проявляло желание изучать его. Для него проще было заявить об отсутствии интереса к кампании и даже об отсутствии украинцев на Дальнем Востоке, поскольку там живут не украинцы, а «хохлы, владеющие русским языком». Некоторые чиновники в отписках от украинизации утверждали, что на Дальнем Востоке нет украинцев как отдельной национальности, а есть русские, которые знают русский язык, просто он у них жаргонный, с некоторыми украинскими словечками [16. С. 64–66]. Так было проще описывать ситуацию еще и потому, что развернувшаяся кампания по украинизации могла поставить вопрос о смене руководства, которое не владеет украинским языком. Поэтому чиновники пугают украинизацией, они опасаются, что она поощряет «национальные уклоны и местный национализм» в переломный период в развитии страны.

«Чиновничий отпор» очевиден. Не воспринимая украинцев как отдельную национальность, многие региональные чиновники видели в украинстве угрозу мазепинства и сепаратизма и боялись в будущем быть обвиненными в этих преступлениях. Поэтому вполне справедливо тот же З. Островский называл чиновников и партийных работников серьезным препятствием для процесса украинизации. Однако необходимо понимать, что их поведение вызвано не только стремлением избавиться от груза новой задачи (украинизации), их цель – ничего не предпринимать и, по возможности, избежать новой кампании с неизвестным результатом и опасными политическими последствиями. Вполне понятно, почему, игнорируя статистику, чиновники и партийные деятели утверждали, что украинцы (и белорусы) не являются отдельными нациями, по крайней мере, в условиях Дальнего Востока. В данном регионе это группы русского населения, которые говорят на русском жаргонном языке. Действительно, в архивных документах руководство райисполкомов, например, констатировало, что украинское население давно обрусело и не выказывает желания переходить на родной язык, у них нет интереса к украинскому [14. С. 37]. Некоторые идут дальше и, пытаясь оправдать свое отрицательное отноше-

ние к украинству вообще, заявляют, что литературный язык, утвердившийся на Украине, является галицким диалектом украинского языка, который чужд украинцам на Дальнем Востоке. Явно не желая работать в русле украинизации, такие руководители используют «ссылку на галицкий диалект как... прикрытие отрицательного отношения к украинству» [16. С. 40–41].

Подчеркнем неоднозначность языковой проблемы. Территория Дальнего Востока в языковом плане – это контактная среда, где в качестве средства межнационального общения использовался русский язык, его коммуникативный статус и социальная роль преобладали. Сфера применения родного украинского языка была ограничена семьей, домом, общением с соседями. Исследователи колонизации восточных окраин России сходятся во мнении, что в стратегической перспективе политика государственной власти в XIX–XX вв. ориентировалась на постепенную ассимиляцию разных этносов, восприятие русской культуры и языка выступало в качестве государственного императива.

М.В. Шиловский отмечал, что «одним из последствий колонизации стала русификация... переселенцев (украинцев, немцев... и др.) с утверждением общерусской идентичности» [19. С. 36]. А.В. Ремнев подтверждал, что «украинцы и белорусы», будучи расселены среди русских, оказались более «восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали... приверженность идее общерусской идентичности» [20. С. 8, 13]. Языковая близость была не только важнейшим фактором взаимодействия между русскими и украинцами в Сибири и на Дальнем Востоке, она в значительной степени ускоряла процесс ассимиляции. Отметим также, что часть переселенцев-украинцев, обосновавшихся на Дальнем Востоке, говорили не на украинском, а на смеси украинского и русского языков, особом южно-русском наречии. Такой язык был распространен, например, в смешанном украинорусском пограничье. Недаром носителей этого диалекта архивные документы часто называют «хохлами».

Отметим неоднозначность этого термина. Е.В. Леонтьев, изучая украинское население Приенисейской Сибири, писал, что в старожильческом восприятии украинцы и русские из юго-западных губерний России не различались, а представляли одну общность под названием «хохлы» [21. С. 98]. А.А. Новоселова подчеркивала, что он использовался старожилами для названия разных групп переселенцев (иногда даже белорусов), а также для самоназвания потомками переселенцев, особенно при упоминании этнической родины [22. С. 27–28]. Нам представляется, что название «хохол» вполне может быть свидетельством переходного характера идентичности в украинской среде в 1920–1930-е гг., маркером подвижности этнической границы. Использование названия «хохол» в документах по проблемам украинизации чаще всего становилось следствием поисков языковой идентичности, когда необходимо было

подчеркнуть отличие разговорного языка населения районов и от русского, и от украинского; его диалектность.

Рассмотренные обстоятельства вполне могут быть свидетельством незавершенности процесса формирования идентичности на всем украинском пространстве (в том числе на Дальнем Востоке) в конце XIX – начале XX в. А. Миллер подчеркивал, что на Украине говорить об этнической идентичности до Первой мировой войны можно только по отношению к элитам и части населения городов [23]. В нашем же случае речь идет исключительно о сельских жителях двух районов Дальневосточного края. На наш взгляд, это обстоятельство, безусловно, находит свое отражение в протекании процессов ассимиляции в среде переселенцев-украинцев на Дальнем Востоке. Зигзагообразная политика советской власти в 1920–1930-е гг. заставила фактор этнического своеобразия воспринимать как возможную политическую неблагонадежность и еще больше способствовала процессам ассимиляции в среде украинцев в Сибири и на Дальнем Востоке.

В то же время нельзя говорить о прямолинейности этого процесса. Для РСФСР в целом за период с 1926 по 1937 г. были характерна тенденция к сокращению численности и удельного веса украинцев: «Доля украинцев в РСФСР сократилась в 2 раза» [24. С. 9]. В то же время этническая группа украинцев в составе населения Дальнего Востока не только сохранилась, но к 1937 г. даже незначительно выросла. В противовес общероссийским тенденциям исследователи отмечают увеличение числа украинцев в составе населения некоторых восточных регионов страны, например Красноярского края, что, безусловно, было связано и с сосредоточением здесь мест заключения, и с индустриализацией. Для Дальнего Востока не только сохранение, но и некоторое увеличение сообщества связаны главным образом с энергичной кампанией по переселению. Для нас же важен факт существования крупной этнической группы украинцев в составе населения ДВК, но вот политические условия в стране ставят под сомнение возможности ее сохранения. Представляется, что именно непоследовательность национальной политики, ее крутые виражи, опасения украинцев за собственное существование стали важ-

нейшим фактором ассимиляции украинского сообщества в условиях Дальнего Востока России.

Другим фактором неуспеха кампании стало отсутствие или слабость украинской интеллигенции. Проводниками украинства могли стать учителя, другие специалисты образовательной или культурной сфер, но их на Дальнем Востоке практически не было.

Сложности в осуществлении кампании по украинизации связаны были также с ее недостаточной организацией. Слабость политики выражалась в отсутствии массовой разъяснительной работы, контроля за выполнением поставленных задач, стихийном характере кампании, неосведомленности населения о ней. Вопросы украинизации не находили достаточного отражения в прессе. Архивные документы зафиксировали главным образом переписку представителей власти по поводу украинизации, никаких данных о мероприятиях разъяснительного, просветительского, культурно-массового толка в них нет. Кроме того, перед грузом других проблем, например перед лицом хлебозаготовок, переход к украинизации воспринимался для представителей власти как задача не просто второго, а десятого порядка. Например, чиновники говорили: «...во Владивостоке остро стоят китайский и корейский вопросы, а вы еще поднимаете украинский вопрос и усложняете еще больше работу» [16. С. 65]. С учетом всех рассмотренных обстоятельств понятна причина медлительности кампании, понятно, почему чиновники на местах предпочитали отмачиваться в ответ на запросы или посылать отписки.

Организационные проблемы украинизации, отсутствие финансирования и кадров, нежелание населения участвовать в мероприятиях и в силу понимания их нецелесообразности (отсутствие сферы функционирования украинского языка и перспектив роста в целом русскоязычном регионе), и в силу языковой ассимиляции, зигзагообразный характер национальной политики советской власти, когда украинизация следовала за русификацией, нежелание чиновников заниматься украинизацией перед лицом более важных проблем, например хлебозаготовок, привели к тому что украинизация вылилась в пустую бумажную волокиту – переписку по ее поводу чиновников разных уровней. Таким образом, в условиях советской страны 1931–1932 гг. она изначально была обречена на неудачу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация как политика и проблема современной историографии // *Історіографічні дослідження в Україні*. Киев : НАН України. Ін-т історії України, 2012. Вип. 22. С. 201–214.
2. Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М. : Европа, 2006.
3. Дроздов К.С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М. : Институт Российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2016.
4. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Киев : Інститут історії України НАН України, 2003.
5. Борисёнок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016.
6. Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар : Кубанькино, 2010.
7. Наумова Н.И. Украинизация в образовательной политике советской власти на Дальнем Востоке СССР (1922–1930 гг.) // *Русин*. 2017. № 4.
8. Чернолуцкая Е.Н. Украинцы в советском Приморье (1920–30-е годы) // *Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность*. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 65–74.
9. Попов И.В. Районы Дальневосточного края: (без Камчатки и Сахалина). Хабаровск : Книжное дело, 1931.
10. Осипов Ю.Н., Галлямова Л.И. Освоение Приморья // *Приморский край России*. URL: www.fegi.ru/primorye (дата обращения: 10.08.2018).
11. Черномаз В.А. К 125-летию начала массового переселения украинцев на Дальний Восток // *Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность*. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. С. 34–47.
12. Розовык О.Д. Миграция сельского населения УССР в Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток в 1920-х гг. // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 5.

13. Миненков Д.Д. Красноармейское сельскохозяйственное переселение на Дальний Восток // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Новосибирск : Сибирское научное изд-во, 2008. С. 102–106.
14. Материалы по попытке украинизации Шмаковского района. 9 июня – 9 октября 1931 г. // Государственный архив Приморского края. Ф. 813. Оп. 4. Д. 1.
15. Выписки из протоколов заседаний Калининского райисполкома и сводка о ходе работ по украинизации района. 14 мая – 4 сентября 1931 г. // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 975.
16. Островский З.С. Проблема украинизации и белорусизации в РСФСР. М. : Власть советов, 1931.
17. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009.
18. Черномаз В.А. Читинский процесс (1924 г.) и разгром украинского национального движения на Дальнем Востоке // Политические репрессии на Дальнем Востоке (20–50-е гг.). Владивосток, 1997. С. 197–211.
19. Шиловский М.В. Этносоциальные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX в. в современной историографии (1991–2004 гг.) // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск : Омск. ун-т, 2005. Вып. 3. С. 30–48.
20. Ремнев А.В. Славянские народы как колонизационный ресурс имперской политики в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX начале – XX в. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск : Омск. ун-т, 2005. Вып. 3. С. 4–20.
21. Леонтьев Е.В. К истории формирования украинского населения на юге Приенисейского края в XIX веке // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. VI. Минусинск, 2010. С. 98–101.
22. Новоселова А.А. Сибирские «хохлы»: к вопросу об этнической принадлежности // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 27–28.
23. Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine> (дата обращения: 01.08.2018).
24. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М. : Наука, 1996.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 августа 2019 г.

Ukrainization in the Far East in 1931: The Essence and Difficulties of the Process

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 179–186.

DOI: 10.17223/15617793/453/22

Larisa A. Kutilova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: generalhistory2005@yandex.ru

Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); Hebei Normal University (Shijiazhuang, China). E-mail: generalhistory2005@yandex.ru

Keywords: Far East; Ukrainians; Ukrainization; Soviet power; national policy.

In the study, the authors draw attention to the fact that the theme of Ukrainization in Russian and Ukrainian historiography is mostly developed on the materials of the Ukrainian SSR or the Russian-Ukrainian borderland. The article analyzes the regional aspects of the policy of Ukrainization in the first half of the 1930s in the Far East. As a result of migration flows of the second half of the 19th – the first quarter of the 20th centuries, this region also became a place of compact residence of a significant part of Ukrainians. The main sources of the study are archival materials of the Far Eastern archives, as well as documents of the Soviet and party authorities: correspondence on the issues of Ukrainization, statistical materials, reports, references, etc. The main focus of the study is on the specific circumstances of the campaign in 1931 and on the analysis of the reasons for a cautious attitude towards it both on the part of the authorities and the population of the region on the example of two districts of the Far Eastern territory—Shmakovsky and Kalininsky, in which Ukrainians predominated. It is noted that a negative attitude towards Ukrainization was determined by the largely inconsistent zigzag national policies of the Soviet government, not by the assimilation processes that affected the Ukrainian population of the region only. The authors of the study emphasize the specificity of the process of Ukrainization in the early 1930s: it cannot be perceived in isolation from the previous waves of Ukrainization. The first attempt in the 1920s faced with an opposition from local education authorities and communists from the party organizations of the Far Eastern Republic, who saw chauvinistic propaganda and independence in the work of Ukrainian organizations. In the 1930s, Ukrainization in the Far East not only followed the period of Russification, but began when Ukraine had already curtailed it and it threatened serious political consequences. The consequences became a reality after the Chita trial of 1924 in the case of “Ukrainian nationalists”. Fears of being accused of bourgeois nationalism and sympathy for “Petliurism” forced either to perceive Ukrainization with hostility, or to delay its implementation. No wonder archival documents often show superficial paperwork—correspondence on the topic by officials at various levels—and a complete lack of practical work. However, in the conditions of the Soviet country of the early 1930s, such behavior seems to be quite a justified everyday pragmatism. Analyzing all the difficulties in implementing the Ukrainization campaign in the Far East, the authors come to the conclusion that it was initially doomed to failure.

REFERENCES

1. Khlynina, T.P. & Vasil'ev, I.Yu. (2012) Ukrainizatsiya kak politika i problema sovremennoy istoriografii [Ukrainization as a Policy and the Problem of Modern Historiography]. In: *Istoriografichni doslidzhennya v Ukraini* [Achievements of Historiography in Ukraine]. Is. 22. Kyiv: Institute of History of Ukraine, NAS of Ukraine. pp. 201–214.
2. Borisenok, E.Yu. (2006) Fenomen sovetskoy ukrainizatsii. 1920–1930-e gody [The Phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920s–1930s]. Moscow: Evropa.
3. Drozdov, K.S. (2016) *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'e, 1923–1933 gg.* [The Policy of Ukrainization in the Central Black Earth Region, 1923–1933]. Moscow: Institute of Russian History, RAS; Tsentr humanitarnykh initsiativ.
4. Smoliy, V.A. (ed.) (2003) *“Ukrainizatsiya” 1920–30-kh rokiv: peredumovi, zdobutki, uroki* [“Ukrainization” of the 1920s and 1930s: Preconditions, Achievements, Lessons]. Kyiv: Institute of History of Ukraine, NAS of Ukraine.
5. Borisenok, E.Yu. (2016) *Kontseptsii “ukrainizatsii” i ikh realizatsiya v natsional'noy politike v gosudarstvakh vostochnoevropeyskogo regiona (1918–1941 gg.)* [The Concept “Ukrainization” and Its Implementation in National Policies of the States of the East European Region (1918–1941)]. History Dr. Diss. Moscow.

6. Vasil'ev, I.Yu. (2010) *Ukrainskoe natsional'noe dvizhenie i ukrainizatsiya na Kubani v 1917–1932 gg.* [Ukrainian National Movement and Ukrainization in Kuban in 1917–1932]. Krasnodar: Kuban'kino.
7. Naumova, N.I. (2017) Ukrainisation in the Soviet Educational Policy in the Far East of the USSR (1922–1930). *Rusin*. 4. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/50/6
8. Chernolutsкая, E.N. (2008) [Ukrainians in Soviet Primorye (1920s–1930s)]. *Ukraintsy na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Ukrainians in the Far East: History and Modernity]. Conference Proceedings. Vladivostok: Far Eastern University. pp. 65–74. (In Russian).
9. Popov, I.V. (1931) *Rayony Dal'nevostochnogo kraia: (bez Kamchatki i Sakhalina)* [Districts of the Far Eastern Region: (Without Kamchatka and Sakhalin)]. Khabarovsk: Knizhnoe delo.
10. Osipov, Yu.N. & Gallyamova, L.I. (n.d.) *Osvoenie Primor'ya* [Development of Primorye]. [Online] Available from: www.fegi.ru/primorye. (Accessed: 10.08.2018).
11. Chernomaz, V.A. (2008) [On the 125th Anniversary of the Mass Migration of Ukrainians to the Far East]. *Ukraintsy na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Ukrainians in the Far East: History and Modernity]. Conference Proceedings. Vladivostok: Far Eastern University. pp. 34–47. (In Russian).
12. Rozovyk, O.D. (2013) Migration of Rural Population of the Ukrainian Soviet Social Republic to Siberia, Trans-Baikal and Far East in 1920s. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 5. (In Russian).
13. Minenkov, D.D. (2008) [The Red Army Agricultural Resettlement to the Far East]. *Adaptatsionnye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i formiruyushchikhsya obshchestvakh: opyt osvoeniya Aziatskoy Rossii* [Adaptation Mechanisms and Practices in Traditional and Emerging Societies: The Experience of Developing Asian Russia]. Conference Proceedings. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izd-vo. pp. 102–106. (In Russian).
14. State Archive of Primorsky Krai. Fund 813. List 4. File 1. *Materialy po popytke ukrainizatsii Shmakovskogo rayona. 9 iyunya – 9 oktyabrya 1931 g.* [Materials on the Attempt to Ukrainize the Shmakovsky District. June 9–October 9, 1931].
15. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 2413. List 4. File 975. *Vypiski iz protokolov zasedaniy Kalininskogo rayispolkoma i svodka o khode rabot po ukrainizatsii rayona. 14 maya – 4 sentyabrya 1931 g.* [Extracts From the Minutes of the Meetings of the Kalinin District Executive Committee and a Summary of the Progress of Work to Ukrainize the District. May 14–September 4, 1931].
16. Ostrovskiy, Z.S. (1931) *Problema ukrainizatsii i belorusizatsii v RSFSR* [The Problem of Ukrainization and Belarusianization in the RSFSR]. Moscow: Vlast' sovetov.
17. Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National Minorities of Siberia and the Far East at a Historic Turning Point (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Chernomaz, V.A. (1997) [The Chita Trial (1924) and the Defeat of the Ukrainian National Movement in the Far East]. *Politicheskie repressii na Dal'nem Vostoke (20–50-e gg.)* [Political Repressions in the Far East (1920s–1950s)]. Vladivostok: Far Eastern University. pp. 197–211. (In Russian).
19. Shilovskiy, M.V. (2005) Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri na rubezhe XIX–XX v. v sovremennoy istoriografii (1991–2004 gg.) [Ethnic and Social Processes in Siberia at the Turn of the 20th Century in Modern Historiography (1991–2004)]. In: Tolochko, A.P. (ed.) *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva (istoriya i sovremennost')* [Traditions of Economic, Cultural and Social Ties of the Commonwealth Countries (History and Modernity)]. Is. 3. Omsk: Omsk State University. pp. 30–48.
20. Remnev, A.V. (2005) Slavyanskije narody kak kolonizatsionnyy resurs imperskoy politiki v Sibiri i na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX nachale – XX v. [Slavic Peoples as a Colonization Resource of Imperial Politics in Siberia and the Far East in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In: Tolochko, A.P. (ed.) *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva (istoriya i sovremennost')* [Traditions of Economic, Cultural and Social Ties of the Commonwealth Countries (History and Modernity)]. Is. 3. Omsk: Omsk State University. pp. 4–20.
21. Leont'ev, E.V. (2010) K istorii formirovaniya ukrainskogo naseleniya na yuge Prieniseyskogo kraia v XIX veke [On the History of the Formation of the Ukrainian Population in the South of the Yenisei Region in the 19th Century]. In: *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya* [Martyanov Local History Readings]. Is. VI. Minusinsk: [s.n.]. pp. 98–101.
22. Novoselova, A.A. (2003) [Siberian Ukrainians: On the Issue of Ethnicity]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and Adjacent Territories]. Conference Proceedings. Is. 5. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. pp. 27–28. (In Russian).
23. Miller, A.I. (2007) Dualizm identichnostey na Ukraine [The Dualism of Identities in Ukraine]. *Otechestvennye zapiski*. 1. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine>. (Accessed: 01.08.2018).
24. Zhiromskaya, V.B., Kiselev, I.N. & Polyakov, Yu.A. (1996) *Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda* ["Secret" for Half a Century: The All-Union Population Census of 1937]. Moscow: Nauka.

Received: 12 August 2019